

Русская литература

№ 2

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1981

Год издания двадцать четвертый

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Все на благо человека	3
П. Н. Федосеев. Сокровищница национальной культуры	6
В. В. Бузник. Суровая память войны (к оценкам ранней послевоенной поэзии)	12
Л. М. Слобжанинова. Возможности жанра (двоевнные сказы П. Бажова)	29
Г. И. Платошкина. Легенды и притчи в произведениях Леонида Леонова	45
В. И. Харчевников. С. Есенин и народная тема в поэзии начала XX века	58
Ф. Я. Прийма. К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова	76
В. А. Воропаев. «Мертвые души» и традиции народной культуры (Н. В. Гоголь и И. М. Снегирев)	92
В. М. Маркович. Роман Тургенева «Рудин» и традиции натуральной школы	108

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Западов. Пять загадок радищевской текстологии (работа А. Н. Радищева над «Путешествием»)	131
Г. А. Лихоткин. Проблема «писем читателей» в творчестве Н. И. Новикова	149
В. В. Пухов. Кто же издавал журнал «Смесь»?	159
Е. Л. Кантор. Из творческой истории «Записок одного молодого человека» А. И. Герцена (вопрос о датировке)	163
Г. В. Стадников. О фактах и вымысле (к вопросу о встрече Ф. Тютчева и Г. Гейне в 1853 году)	165
В. А. Туниманов. Об анонимном фельетонном наследии Ф. М. Достоевского в годы редактирования «Гражданина»	169
М. С. Черепанов. Об особенностях творческого процесса Н. Г. Чернышевского (работа над пьесой «Мастерица варить кашу»)	174

ЗАМЕТКИ, УТОЧНЕНИЯ

И. С. Чистова. Заметки о двух стихотворениях Лермонтова	178
М. Д. Эльзон. «Чад» или «чаять» (о смысле фамилии Чацкий)	182

(См. на обороте)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

не свидетельствуют в пользу «отступления фольклора». Также не говорят в пользу «отступления фольклора» записи шести русских песен для английского бакалавра Ричарда Джемса (1617—1618). Фольклор записывался иностранцами и раньше. Так, например, известна запись сказки о поселянине и медведице, сделанная в Риме в 1525—1526 годах Павлом Иовием Новокомским со слов Димитрия Герасимова. Русские люди всегда охотно записывали свой фольклор и иногда включали его в состав больших историко-литературных компиляций. «Повесть временных лет» (начало XII века) — классический пример тому. Она включает в себя немало народных легенд, преданий, сказаний, песен, присказок и поговорок, усвоенных и переработанных древнерусскими книжниками. Этот факт можно было бы объяснить и как *дополнение* литературы фольклором, и как *взаимодействие* с ним. Литература не была слита с фольклором. И в глубокой древности, и в эпоху развитого средневековья, и в XVII веке существовали четкие представления о специфичности фольклорных жанров и отграниченности системы жанров фольклора от системы жанров литературы.

Итак, драма образуется не вследствие «отступления фольклора», а, как это

было показано выше, вследствие формирования литературы нового времени в переходную эпоху — вторую половину XVII—начало XVIII века. Параллельно с литературной драмой продолжают существовать зачатки народной драмы в виде сенок-фарсов, комедии «Петрушка», вертепа и т. д. Народная драма начинает взаимодействовать со школьной и придворной, проникает в спектакль в виде интермедий. А в первой половине XVIII века из школьной драмы и народных драматических сенок возникает устная народная драма «Царь Максимилиан». Интермедии собираются в специальные циклы и сближаются с устной народной драмой, образуя пьесы малых форм, вроде одноактной бытовой комедии на тему «повреждения правов». Интермедии в составе школьных спектаклей и повествовательных драм составляют как бы особый «спектакль в спектакле», пронизанный фольклором (как, например, в «Стефанотокозе», 1741 год).

Накануне появления трагедии и комедии А. П. Сумарокова ранние русские драматические формы исчерпали себя в рамках заданных установок на художественность и типизацию. Тогда становление классицистических жанров в драматургии стало неизбежным.

Р. В. Иезуитова

БИБЛИОТЕКА В. А. ЖУКОВСКОГО В ТОМСКЕ

Углубленное изучение историко-литературного процесса — одна из существенных тенденций современного литературоведения. При этом на первый план все отчетливее выдвигаются наиболее сложные и многоаспектные проблемы, переломные эпохи и противоречивые явления общественно-литературного развития. Нет ничего неожиданного в том, что творчество В. А. Жуковского, выступившего в литературе в одну из таких переломных эпох, на рубеже XVIII и XIX веков, и ставшего, по образному определению Белинского, «Коломбом русского романтизма», все чаще и чаще привлекает внимание советских исследователей. Стремясь отойти от крайностей прежних историко-литературных концепций, выведивших Жуковского за рамки прогрессивного направления русской литературы, либо ограничивающих его значение областью поэтического новаторства, они стремятся анализировать поэзию Жуковского конкретно-исторически, в живой динамике его творче-

ского развития, в контексте всей литературы его времени.¹

¹ Этой тенденцией в особенности отмечены новейшие работы о Жуковском, такие, как монография И. М. Семенко «Жизнь и поэзия Жуковского» (М., 1975), ее же вступительная статья к трехтомнику сочинений поэта, выпущенному издательством «Художественная литература» (см.: Жуковский В. А. Соч., в 3-х т., т. 1. М., 1980, с. 5—39), статьи М. И. Гиллельсона, дающие новую трактовку общественной позиции поэта (см.: Письма Жуковского о запрещении «Европейца». — Русская литература, 1965, № 4, с. 114—124; О друзьях Пушкина. — Звезда, 1975, № 2, с. 210—217); Е. П. Мстиславской (Жанр посланий в творческой практике В. А. Жуковского (1800—1810-е гг.). — Учен. зап. Московского пед. ин-та им. Ленина. 1970, № 389, с. 148—166); И. Ю. Подгаецкой («Свое» и «чужое» в поэтическом стиле Жуковский—Лермонтов—Тютчев. — В кн.:

В настоящее время наука о Жуковском переживает период несомненного оживления. На смену узким и примитивным схемам, затруднявшим научное изучение одного из крупнейших русских поэтов, идет всесторонняя оценка его вклада в развитие отечественной культуры в целом, закладываются основы для создания научной биографии поэта, интенсивно накапливаются материалы для будущего полного собрания его сочинений.²

Столь заметное расширение диапазона исследований Жуковского настоятельно требует обновления документально-фактической базы, введения в научный оборот неизданных ранее материалов, пересмотра устаревших взглядов и теоретических положений. Существенный вклад в решение этих важнейших задач вносит монография «Библиотека В. А. Жуковского в Томске», представляющая собою первую часть задуманного томскими исследователями коллективного труда об этом ценнейшем книжном собрании, в своей значительной части сохранившемся до наших дней.³

Во введении к рецензируемому труду авторы вкратце останавливаются на судьбе личной библиотеки В. А. Жуковского и характеризуют ее состав.

Библиотека Жуковского — одного из образованнейших людей своего времени — принадлежит, подобно библиотеке А. С. Пушкина, к числу значительных, в известной мере уникальных книжных собраний, ибо она заключает в себе огромное культурное богатство. В выборе им книг отразились и преходящие увлечения, и устойчивые литературные интересы поэта, и его наклонности к продуманному, серьезному и систематическому собирательству. Вместе с тем поэт был не только владельцем ценных и интересных изданий, но и внимательным и вдумчивым их читателем. Это обстоятельство особенно подчеркивается во введении к рецензируемой книге: «В. А. Жуковский не был

простым накопителем книг, как многие записные библиофилы прошлого. У него почти не встречаются не разрезанные, т. е. не прочитанные им книги. Конечно, не всякая книга оправдывала его ожидания, поэтому некоторые разрезаны не до конца или разрезаны только местами, выборочно. Читал он обычно с карандашом в руках, делая пометки по разработанной им системе, довольно часто записывал на полях возникшие по ходу чтения мысли и возражения. Кроме „следов чтения“, на книгах встречаются записи дневникового характера, числовые выкладки, рисунки и т. п. И наконец, самое интересное — зачастую прямо на книге Жуковский начинал набрасывать перевод какого-либо произведения, вызвавшего отклик в его душе. Большей частью эти черновые наброски ограничиваются несколькими стихотворными строками или строфами (начало перевода «Божественной комедии» Данте и «Потерянного рая» Мильтона), иногда же эти переводы очень обширны». ⁴ Особый характер этой библиотеки, как видим, теснейшим образом связанной с литературной деятельностью В. А. Жуковского, делает ее одним из важных источников при изучении его творческой деятельности, — источником, почти не привлекавшимся к рассмотрению до появления рецензируемого труда.

После смерти В. А. Жуковского в 1852 году библиотека хранилась у наследников поэта, и лишь в конце XIX века о ней стало известно в печати.⁵ Основная ее часть (около 4674 книг) была в 1879 году приобретена у сына поэта П. В. Жуковского сибирским меценатом А. М. Сибиряковым для организованного в 1880 году Томского университета. Около 600 книг из библиотеки отца П. В. Жуковский передал (или подарил) А. Ф. Онегину, в составе коллекции которого они оказались в Пушкинском Доме, где эти книги как особое книжное собрание хранятся и донныне.⁶

Более драматически сложилась судьба томской части библиотеки Жуковского. Она не была выделена в особую коллекцию, а поступила в общий книжный фонд библиотеки университета, оказалась рассредоточенной по разным учебным и кафедральным библиотекам, что в свою очередь привело к утрате отдельных экземпляров из собрания Жуковского и к их смешению с подобными же экземплярами, взятыми из других книжных коллекций Томского университета (Строгановых и Голицыных).

Перед томскими исследователями стояла сложная задача — путем сплошного просмотра старых фондов общего книгохра-

⁴ Там же, с. 6.

⁵ См.: Каталог Главной библиотеки имп. Томского университета, т. I. Томск, 1889.

⁶ Гофман М. Л. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Париж, 1926, с. 18—19.

Смена литературных стилей. М., 1974, с. 201—250) и др.

² За последние годы заметно возрос интерес и к биографии Жуковского, несомненно связанный с переоценкой роли поэта и значения его творчества в развитии прогрессивной русской литературы. Кроме названной выше монографии И. М. Семенко, см. также след. книги: Б е с с а р а б М. Жуковский. Книга о великом русском поэте. М., 1975; В л а с о в В. А., Н а з а р е н к о И. И. «Минувших дней очарованье», Тула, 1979. Последняя книга посвящена этапам жизнедеятельности Жуковского, связанным с пребыванием в родных местах, где протекали детство и юность поэта. О Петербурге, где особенно интенсивно разворачивалась его общественно-литературная деятельность, см.: И з у и т о в а Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976.

³ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, 528 с.

нения выявить книги из библиотеки Жуковского и по возможности полно восстановить ее нынешний состав. Эта кропотливая и трудоемкая работа, нашедшая свое завершение в составлении Каталога библиотеки Жуковского,⁷ явилась первой, важнейшей стадией в исследовании этого книжного собрания. В настоящее время, как указывается в предисловии к Каталогу, выявлено 3080 томов (1731 название), бесспорно, входивших в библиотеку Жуковского, к которым необходимо целиком присоединить книжное собрание, хранящееся в Пушкинском Доме и включающее 600 томов (или 332 названия книг).

Таким образом была создана серьезная исследовательская база, позволившая далее приступить к изучению всей обширной совокупности материалов (как собственно книжных, так и рукописных) библиотеки Жуковского, к их осмыслению и систематизации.

Книга задумана не как собрание новых материалов о Жуковском, не как сборник отдельных (хотя и важных) статей, основанных на новых материалах, но как коллективная монография, построенная по заранее продуманному плану и освещающая строго отобранный круг проблем. Авторы ставили своей целью осмыслить обнаруженные ими материалы в контексте творчества Жуковского в целом, в процессе становления и развития русской литературы его времени, привлекая к рассмотрению также данные богатейшего и, к сожалению, мало изученного рукописного архива поэта. Это определяет структуру рецензируемой книги и характер подачи и интерпретации выявленных в ходе изучения библиотеки новых материалов, которые авторы рассматривают не изолированно, а раскрывая роль и значение этих книг в процессе творческого формирования поэта.

Правомерность подобного подхода определяется в значительной степени особенностями самой библиотеки, которая не является обычной коллекцией редких, старых изданий и раритетов, а представляет собою прежде всего (и по преимуществу) рабочую библиотеку, отражающую вкусы, интересы и, что, пожалуй, самое важное, занятия ее владельца. Жуковский собирал книги на всем протяжении своей творческой жизни. В ранние годы, когда, в сущности, образовался основной состав его библиотеки, собирание книг способствовало накоплению культурного багажа поэта, формированию его литературно-эстетических вкусов. Постепенно книги ста-

новились для него не только важнейшим средством самообразования, но и стимулом к оригинальному литературному творчеству. В зрелые годы обращение В. А. Жуковского к книге, как правило, продиктовано потребностями сугубо творческого порядка.

Жуковский любил сравнивать свой ум с огнем, «которым надобно ударить об кремень, чтобы из него выскочила искра», подчеркивая при этом: «Это вообще характер моего авторского творчества; у меня все чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое».⁸ Материалы библиотеки не просто подтверждают это высказывание, они вводят нас в «тайное тайных» — творческую лабораторию поэта, наглядно характеризуют важнейшую, начальную стадию его творческого процесса, позволяют понять его истоки. На полях книг, форзацах и переплетах появляются планы задуманных статей, наброски стихотворных переводов, а подчас — как в случае с «Сидом» Гердера — и почти целиком выполненные подстрочные переводы. Томскими исследователями проделана сложная и кропотливая работа по выявлению и расшифровке этих сложных и необычных по своему характеру творческих рукописей, значительно расширяющих число поэтических, прозаических и литературно-критических произведений Жуковского. Однако их публикация и комментирование не становятся самоцелью рецензируемого труда. Хотя в монографии и нет строго хронологически выдержанного повествования, материал в ней сгруппирован таким образом, что читатель следует за основными вехами творческого пути поэта.

Книга состоит из трех больших разделов, в каждом из которых анализируются книжные источники, имевшие особенное значение в тот или иной момент творческой жизни поэта.

Начиная с 1800 года, когда для Жуковского постепенно входящего в русло литературной жизни, особое значение приобретали труды его соотечественников, главным образом предшественников (о которых речь идет в первой части рецензируемой книги), томские исследователи (Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич, Н. Б. Реморова и др.) на значительном и по большей части впервые вводимом в научный оборот материале разворачивают панораму все возрастающего участия Жуковского в русском литературном процессе 1810—1820-х годов, подробно освещая те его моменты и этапы, которые отмечены интенсивностью новаторских жанровых поисков поэта. В этих главах книги авторы подробно характеризуют роль западноевропейских традиций (главным образом, Гердера) для формирования жанров стихотворного эпоса, получившего развитие в позд-

⁷ Библиотека В. А. Жуковского (описание). Составитель В. В. Лобанов. Томск. Издательство Томского университета. Приносим глубокую благодарность составителю за предоставленную нам возможность ознакомиться с этой работой, которая в настоящее время находится в печати.

⁸ Жуковский и В. А. Соч. Изд. 7-е, СПб., 1878, с. 612.

ем творчестве Жуковского (конца 1830-х—1840-х годов). Заключительный раздел рецензируемой работы выделяет в качестве самостоятельной проблемы общественно-философские взгляды Жуковского, которые рассматриваются на материале восприятия поэтом философских трудов Ш. Бонне, Э.-Б. Кондильяка, Ф. В. Д. Снелля и др. Пометы и маргиналии на страницах обширнейших философских и эстетических трактатов, исторических и педагогических сочинений раздвигают рамки привычных представлений о Жуковском как о поэте и переводчике по преимуществу, намечают совершенно новые аспекты в его изучении, характеризуют его многогранную деятельность мыслителя, ученого, педагога. Обращение к этим материалам позволяет авторам не только внести существенные коррективы в понимание общественно-эстетической позиции поэта, но и углубить понимание важнейших закономерностей литературного развития первой трети XIX века.

Такова в самых общих чертах структура и проблематика коллективной монографии «Библиотека В. А. Жуковского в Томске». Авторы не стремятся к исчерпывающему анализу всех материалов библиотеки, связанных с избранной ими темой и ее конкретизацией в строго определенных хронологических рамках. Рецензируемый труд — лишь начало, первый опыт осмысления сложной совокупности творческих материалов, содержащихся в библиотеке поэта, из которых выбраны наиболее важные, наиболее показательные, а главное — ранее почти неизвестные, не привлекавшие внимания исследователей Жуковского.

Из весьма значительного количества принадлежащих поэту книг на русском языке (которые для краткости мы будем именовать русской частью его коллекции) выделены в качестве объекта исследования труды его предшественников по истории и теории русской словесности, сочинения Ломоносова и М. Н. Муравьева, а также нашедший в свое время трактат А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» и вызванные им полемические выступления его оппонентов. Выбор этот следует признать в высшей степени удачным, ибо каждое из названных выше сочинений, в особенности Ломоносова и М. Н. Муравьева, определяло собою существенные или во всяком случае заметные тенденции в становлении отечественной литературы и ее жанров. Восприятие Жуковским этих сочинений, нашедшее отражение в пометах, постраничных записях и маргиналиях, позволяет более конкретно и наглядно, чем это делалось до сих пор, поставить проблему освоения русскими романтиками нацио-

нальных литературных традиций, ощутить, к каким глубинным источникам восходит их литературно-эстетическая программа, понять черты преемственности в их развитии. В выдвижении этой в отношении Жуковского по-новому поставленной проблемы (культурной преемственности как важнейшего источника всякого литературного развития и роли Жуковского в этом процессе), в определении степени и меры его самостоятельности в восприятии культурного опыта прошлого заключается и новизна, и ценность рецензируемого труда. Обращение к названным выше сочинениям помогает решить и более частные вопросы, встающие перед исследователями Жуковского. Ломоносовские материалы его библиотеки помогают определить пути формирования гражданской лирики Жуковского, в частности выяснить роль одической традиции в развитии жанра высокого послания (статья А. С. Янушкевича). Многообразная по своим формам работа Жуковского над творческим наследием М. Н. Муравьева (проанализированная Э. М. Жиляковой) позволяет более четко и доказательно очертить одну из заметных линий в развитии русского просвещения, оказавшего решающее влияние на формирование общественных воззрений поэта. Эстетические трактаты, курсы словесности, учебные риторика, отражая уровень господствовавших тогда теоретических представлений, подчеркивают и оттеняют глубину и самостоятельность Жуковского в выработке им идейно-эстетической платформы русского романтизма. Пометы на книге А. С. Шишкова, вызвавшей широко известную полемику о старом и новом слоге, вводят нас в гущу современных Жуковскому литературных споров и с предельной четкостью определяют его позицию в этих спорах, получавшую до сих пор неверное и одностороннее освещение в литературоведческих работах (статья Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича).¹⁰

Следует подчеркнуть, что библиотека дает богатейший материал для рассмотрения вопросов развития поэтических стилей, проблем стихотворного языка, особенно важных для Жуковского, который, как известно, был одним из виднейших в XIX веке реформаторов русского стиха, русского поэтического слога.¹¹

¹⁰ Впервые опубликована в «Русской литературе» (1975, № 4, с. 84—93).

¹¹ Роль Жуковского, обновившего не только стиль, но и самые формы поэтического мышления, освещена в работах Г. А. Жуковского (Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946), Б. М. Эйхенбаума (Мелодика русского лирического стиха. Л., 1922). Из более поздних работ см. упомянутую выше статью И. Ю. Подгаецкой «„Свое“ и „чужое“ в поэтическом стиле», а также статью автора данного обзора «Поэзия 1800—1810-х гг.» в четырехтомной «Истории русской литера-

⁹ В настоящее время в печати находится вторая часть (точнее, том) осуществляемого ТГУ трехтомного труда.

Статья Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича «В. А. Жуковский — читатель и критик А. С. Шишкова», намечающая некоторые (подчеркнем — важные) аспекты его эстетической позиции в период формирования и выработки поэтического стиля»,¹² статья Э. М. Жилияковой и др. прокладывают новые пути для изучения языка и стиля Жуковского, его теоретического и практического вклада в становление нового поэтического слога и развитие русского литературного языка в целом.

Книги русской части библиотеки В. А. Жуковского (как хранящиеся в Томске, так и входящие в коллекцию Пушкинского Дома) дают толчок и к постановке новых проблем, и к выдвижению новых направлений в исследовании творчества поэта. Жуковский-драматург — одно из таких новых направлений. Этой стороне творческой деятельности Жуковского, почти не подвергавшейся специальному изучению,¹³ посвящены две статьи О. Б. Лебедевой: «Правка Жуковского в тексте трагедии В. А. Озерова „Дмитрий Донской“ и «Перевод В. А. Жуковским отрывка из трагедии З. Вернера „Двадцать четвертое февраля“». В них предпринята весьма плодотворная по своим результатам попытка рассмотреть неизвестные ранее опыты поэта в драматическом роде в их соотношении с такими вершинными, этапными его произведениями, как «Орлеанская дева» и «Намоянс», и осмыслить их в широком контексте литературного процесса 1820—1830-х годов.

В первой из названных статей публикация текста обширнейшей правки Жуковского трагедии Озерова «Дмитрий Донской» (по изданию его «Сочинений», СПб., 1828) предшествует рассмотрению тех исторических трудов и драматических произведений, которые, как утверждает ав-

турь» (т. II. Л., 1981, с. 96—98). Собственно стиховедческий аспект в изучении творчества Жуковского представлен статьями С. А. Матяш (см.: К вопросу о генезисе русского дольника (дольники В. А. Жуковского). — В кн.: Филологический сборник, вып. 11. Алма-Ата, 1973, с. 82—92; Метрика и строфика В. А. Жуковского. — В кн.: Русское стихосложение XIX в. (Сборник статей). М., 1979, с. 14—96; Русский и немецкий вольный ямб XVIII—начала XIX века и вольные ямбы В. А. Жуковского. — В кн.: Исследования по теории стиха. Л., 1978, с. 92—103).

¹² Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 122.

¹³ См. об этом статью Г. А. Лапкиной «В. А. Жуковский» (в кн.: Очерки истории русской театральной критики. Конец XVIII—первая половина XIX века. Л., 1975, с. 60—65), суммирующую то немногое, что сделано в этой области, а также вводящую в научный оборот несколько интересных документальных находок автора.

тор, стимулировали интерес поэта к творческому наследию Озерова в конце 1820-х—начале 1830-х годов. В частности, в работе указывается на внутреннюю связь этого позднего по времени, а потому и неясного по своему назначению обращения Жуковского к трагедии Озерова с общим вниманием писателей пушкинского круга к личности и творчеству видного русского драматурга (работа П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», суждения о драматурге Пушкина и т. д.). Если интерес Жуковского к «Дмитрию Донскому» именно с этой точки зрения вполне закономерен, и это убедительно раскрыто в статье, то попытка объяснить целевое назначение анализируемой правки не кажется нам убедительной.

О. Б. Лебедева пишет, что «это была своеобразная лабораторная работа поэта, его „соревнование“ с известным и высокоценным автором исторических трагедий. Правда текст озеровской трагедии, Жуковский в определенной степени раскрывал свое понимание этого жанра».¹⁴ Между тем ни характер собственной творческой работы Жуковского, ни самая литературная этика того времени не допускали столь вольного обращения с текстом широко известного произведения знаменитого драматурга (к тому же еще и покойного). Вместе с тем одна из областей художественной жизни России тех лет, а именно сцена (вплоть до нашего времени), не только допускает, но и предполагает переделки, сокращения, перестановки авторского текста в целях усиления эффекта драматургического воздействия на зрителей. Правка Жуковского была вызвана скорее всего намерением осуществить новую постановку «Дмитрия Донского» на сцене или опытом создания оперного либретто — жанра, интересовавшего Жуковского, который создал в свое время либретто комической оперы «Богатырь Алеша Попович».¹⁵

Необычен по своему жанру и другой, не нашедший своего завершения и неизвестный ранее в науке драматургический опыт Жуковского, относящийся, как это убедительно показано О. Б. Лебедевой, к началу 1830-х годов, — перевод отрывка из трагедии З. Вернера «Двадцать четвертое февраля», которая считается одним из лучших образцов романтической трагедии рока. Исследовательница приводит полностью текст этого отрывка, обнаруженный ею на страницах отдельного немецкого издания этого произведения (1815). Подробный анализ характера работы Жуковского над подлинником

¹⁴ Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 136.

¹⁵ См.: Г о з е н ц у д А. А. Театральные интересы В. А. Жуковского и его опера «Богатырь Алеша Попович». — В кн.: Театр и драматургия. Л., 1967, с. 174—187 (Тр. Ленингр. ин-та театра, музыки и кинематографии, вып. 2).

приводит к выводу, что в переводе отразились такие новые эстетические веяния, характерные для драмы 30-х годов, как углубленный психологизм, драматизация конфликта, выдвигание на первый план трагических сторон действительности.¹⁶ Исследовательнице удается соотнести общие процессы жанровой эволюции русской литературы с этапами интенсивной работы Жуковского над драматургическими замыслами. Хотелось бы, однако, пожелать автору этих интересных, содержательных глав большей продуманности в самом расположении фактического материала. Общие сведения о месте драматургических замыслов в творческом наследии поэта, о периодизации его драматургии следовало бы перенести из второй главы в первую, предвзятым этим вводным очерком анализ и комментирование новонайденных документов. Это позволило бы четче определить их место в ряду известных уже драматических произведений и глубже осветить внутренние процессы жанровой эволюции Жуковского-драматурга.

Второй комплекс проблем, затронутых в рецензируемом труде, связан с освоением Жуковским традиций западноевропейской литературы. Эта важнейшая из сторон деятельности поэта, выступившего в начале XIX века одним из ведущих посредников в процессе восприятия русскими писателями и поэтами достижений европейской культуры, постоянно привлекает внимание как советских, так и зарубежных исследователей.¹⁷ Однако и в этом случае томским исследователям удается не только ввести в научный оборот новые важные материалы, но и уточнить ряд теоретических положений, связанных с проблемой восприятия в России европейских культурных традиций.

Центральное место во втором разделе рецензируемого труда далеко не случайно занимает И.-Г. Гердер, воздействие которого на Жуковского при всей его значительности до самого последнего времени специально не изучалось.¹⁸ Восполняя этот пробел в исследовании важнейшего из звеньев русско-немецких связей первой трети XIX века, Н. Б. Реморова строит свое исследование на основе богатейших рукописных материалов (записей на книгах, помет и маргиналий),

содержащихся в библиотеке Жуковского, в которой одно из заметных и почетных мест занимают издания сочинений Гердера. Пять больших разделов, составляющих первую главу центральной, второй части книги, по существу представляют собою целую монографию об отношении Жуковского к Гердеру, исчерпывающим образом осветившую разные грани и аспекты этой большой научной темы. В работе Н. Б. Реморовой убедительно показано, что знакомство с идеями Гердера стало целым этапом в духовном развитии Жуковского и способствовало усвоению им передовых идей европейского просвещения, в частности, заложило прочный теоретический фундамент романтической концепции народности.

Совершенно новая страница переводческой деятельности русского поэта открывается в разделе «Художественные произведения Гердера в чтении и переводах Жуковского», в котором дается тонкий текстологический и стилистический анализ как прозаических, так и стихотворных переводов и, что особенно существенно, устанавливаются неизвестные ранее источники ряда стихотворений, входящих в так называемый антологический цикл 1837, записанный Жуковским в «Черновой книге А. С. Пушкина» и навеянный трагической гибелью поэта. К сожалению, увлекшись сопоставлением с первоисточником — стихотворениями из XXI тома собрания сочинений Гердера, Н. Б. Реморова недостаточно раскрывает эту связь, которую всячески акцентировал и подчеркивал сам Жуковский, записав свои стихи в тетради Пушкина и, в свою очередь, передав их как своего рода поэтическую эстафету молодой поэтессе Е. П. Ростопчиной.¹⁹

Глава завершается публикацией автографа раннего, неизвестного исследователям Жуковского и никогда не опубликованного перевода «Сида» Гердера, обнаруженного исследовательницей в бумагах В. А. Жуковского, хранящихся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (I глава), и в отдельном немецком издании «Сида» Гердера, хранящемся в библиотеке Томского университета (II—XVII главы).

Вопросы мировоззрения В. А. Жуковского, рассматриваемые в последней, заключительной части книги, принадлежат к числу наиболее сложных, все еще нерешенных и в силу этого до сих пор

¹⁶ См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 326—327.

¹⁷ Кроме классических работ А. Н. Веселовского (монографии и ряда статей), этому вопросу посвящена обширная литература, обзор которой см. в статье Ю. Д. Левина «Зарубежные работы о переводном творчестве В. А. Жуковского» (Русская литература, 1973, № 3, с. 229—235).

¹⁸ Bittner K. J. G. Herder und V. A. Žukovskij. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1959, Bd 28, H. 1, S. 1—44.

¹⁹ Неточным представляется утверждение исследовательницы, что в научной литературе не учитывается местонахождение подлинника этого цикла — альбома, подаренного Жуковским Е. П. Ростопчиной. См. об этом мою статью «Эволюция образа Пушкина в русской поэзии XIX века» (в кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. V. Пушкин и русская культура. Л., 1967, с. 127).

вызывающих самые острые споры. Именно в этой области особенно отчетливо и наглядно дают о себе знать жесткие историко-литературные схемы и поспешные выводы, не проверенные достоверным и надежным материалом. Сталкиваясь с противоречивостью и непоследовательностью суждений о Жуковском и его значении в литературоведческих работах, современный исследователь стоит перед дилеммой: следовать ли традиционному представлению о Жуковском как о пассивном романтике, крайнем субъективисте, далеком от общественной борьбы и живых потребностей литературной жизни России первой трети XIX века, или же оспорить этот взгляд, указав на прогрессивные стороны и моменты общественно-литературной деятельности поэта. Приняв за исходный момент признание значительности и ценности художественных открытий Жуковского (отвечающее современному уровню научных представлений о нем), сторонники традиционного взгляда неизбежно оказываются на неверных в методологическом отношении позициях «вопреки», согласно которым эти открытия могли происходить вопреки консервативным и даже реакционным взглядам поэта. Однако и противоположная, апологетическая позиция, со своей стороны, чревата утратой четких идейно-эстетических критериев, в особенности необходимых при оценке сложных и неоднозначных художественных явлений. Таким образом, объективная и трезвая оценка вклада поэта в решение общих и частных задач литературной жизни его времени упирается в неразработанность ряда существенных теоретических и методологических проблем.

Большим достоинством рецензируемой книги является стремление ее авторов перевести решение всего сложного комплекса этих проблем из сферы умозрительных споров в область научного суждения, основанного на прочном фундаменте фактов. В работе предпринята первая попытка, опираясь на богатейшие данные библиотеки Жуковского, определить характер и своеобразие его философско-исторических взглядов, что в свою очередь позволяет внести весьма существенные коррективы в освещение его идейно-эстетической и общественной позиции.

Пolemический по самой своей сути, этот раздел книги (авторы Ф. З. Канунова и А. С. Янушкевич) внешне не отличается излишней заостренностью и горячностью в отстаивании своей позиции. Ф. З. Канунова, которой принадлежат основные главы, не предвзывает окончательных выводов своей работы, а идет путем широкого осмысления важнейших философских категорий в их трактовке Жуковским, вдумчиво и глубоко изучившим такие фундаментальные философские труды, как «Созерцания природы» Ш. Бонне, «Трактат об ощущениях» Э.-Б. Кондильяка,

«Начальный курс философии» Ф.-В.-Д. Шелля, а также работы натурфилософов Бюффона и Ласепада.

Анализируя пометы и маргиналии на полях этих трудов, Ф. З. Канунова подмечает жадный интерес Жуковского к конкретно-чувственной стороне человеческого познания и к постижению законов, управляющих развитием природы и человеческого общества. Из материалов, приведенных в философском разделе книги, с неоспоримостью следует признание поэтом объективного существования окружающего его мира. А если это так, то бытующий во многих работах тезис о *субъективном идеализме* как доминанте философских воззрений поэта и эстетической основе его романтического субъективизма неверен в самом своем существе. При очевидном идеалистическом характере философских воззрений Жуковского (и это следовало бы энергичнее подчеркнуть в рецензируемом труде) в них отчетливо выступают признаки *объективного идеализма*,²⁰ определяющего совсем иные внутренние связи философии с романтическим творчеством Жуковского, которое является вдохновенным гимном природе, а не утверждением иллюзорности реального мира. Иной представляется и природа романтического субъективизма поэта. Она не столько собственно философского, сколько эстетического свойства, и путь к ее постижению не признание человека единственным творцом окружающего его мира, а подчеркивание и акцентирование в человеке того духовного начала, которое позволяет ему увидеть мир в неисчерпаемом многообразии звуков, красок и форм. С этой точки зрения, исключительно интересным и перспективным кажется нам приведенное Ф. З. Кануновой высказывание Ш. Бонне, который сравнил отражающее сознание с зеркалом, в котором воспроизводится внешний мир. Это высказывание встретило у Жуковского живейшее сочувствие. Исследовательница пишет: «Бонне говорит о паразитной несхожести этих

²⁰ Мы полагаем, что приведенные в главе пометы и маргиналии поэта, отражающие особенность восприятия им философских идей и категорий, самое внимание Жуковского к трудам философов, не отрицающих объективного существования мира, его стремление разобраться в специфике философского материала позволяют с большей определенностью подчеркнуть, что в философском плане он находился на позициях объективного идеализма, что подтверждается его многочисленными высказываниями, анализ которых см. в моей статье «В. А. Жуковский» (в кн.: История русской литературы в 4-х т., т. 2, с. 104—134). Публикуемый в монографии материал, как нам представляется, позволяет сделать подобный вывод, который, однако, не формулируется в ней с достаточной определенностью.

зеркал: „какая соразмерность между зеркалом крота и зеркалом Ньютона или Лейбница? Какие образы являются в мозгу у Гомера, Виргилия или Мильтона!“ Жуковский выделяет эту мысль, подчеркивая ее различные вариации у Бонне еще несколько раз.²¹

Работа томских исследователей — первый и удачный опыт установления глубокой связи философских взглядов поэта с его эстетикой и художественным творчеством, — связи, носящей диалектический характер. Далеко не случайно, штудируя и конспектируя философские труды, Жуковский выявляет внутренне близкие ему идеи, имеющие известный аналог в его творческой практике. Именно в ней получают художественное воплощение пантеистические настроения поэта, диалектика материального и духовного, некоторые этические постулаты (свобода выбора и др.). Ярким примером подобной связи является работа Жуковского над стихотворением «Весна», в ходе которой он обращался не только к литературным источникам, но и к трудам натурфилософов (Бюффона и др.). Именно широкая философская образованность поэта позволила ему дать новую трактовку личности, о которой Ф. З. Канунова справедливо пишет, что Жуковский подходил к «диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного, не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собою и другими людьми, но в то же время и внутренне противоречивого».²²

Глава Ф. З. Кануновой «Русская история в чтении и исследованиях Жуковского» раскрывает еще одну, важнейшую грань его творческого облика, характеризуя его как мыслителя и для своей эпохи мыслителя прогрессивного. В ней приведен разнообразный, яркий и по большей части совершенно новый материал, свидетельствующий о широте и постоянстве исторических интересов поэта — основе его просветительских взглядов. Жуковский — и об этом следует сейчас сказать во весь голос — был одним из выдающихся русских просветителей, представляя вместе с Н. М. Карамзиным и М. Н. Муравьевым одну из важных линий в развитии этого широкого общественно-литературного течения. Просветительство Жуковского выражало себя на разных уровнях — идейном, эстетическом и жизненно-практическом, составляя сердцевину всей его литературно-общественной деятельности. Работа томских исследователей вскрывает истоки просветительства Жуков-

ского, корни которого уходят вглубь веков, в те драматические моменты русской и мировой истории, которые поэт изучал по трудам Шлёгера, русским летописям, сочинениям новейших историков.

Много ценного и полезного для себя найдет исследователь и читатель Жуковского и в последней главе книги (автор А. С. Янушкевич), где приводится множество документальных свидетельств, объясняющих близость Жуковского и к прогрессивным устремлениям русской общественности преддекабрьской поры (в частности, Н. Тургеневу), и к исканиям пушкинского круга писателей в 30-е годы XIX века.

Радуется, как и во всякой работе, в особенности вводящей в научный оборот обширные пласты новых данных, в коллективной монографии «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» имеются свои недочеты и увлечения. Нам уже приходилось отмечать некоторые композиционные погрешности и диспропорции в распределении материала. Несомненно, большей упорядоченности требует и система публикации и комментирования новых текстов, в особенности, когда речь идет о принадлежащих Жуковскому художественных и критических текстах. К сожалению, почти вовсе лишен комментария такой интереснейшей впервые публикуемый документ, как обзор русской литературы 1823 года, свидетельствующий о живом и напряженном внимании Жуковского к современному ему литературному процессу. Необходимо, хотя бы в подстрочном примечании, указать, что упомянутая в тексте обзора комедия «Лукавин» принадлежит А. Писареву, а трагедия «Персей» — Я. Ростовцеву. Неточным представляется и конечный вывод, что этот обзор свидетельствует о разносторонности читательских интересов Жуковского. Это заметки не просто читателя, а участника литературной жизни, критически оценивающего ее важнейшие события и явления.

В ряде разделов (в философском и историческом) тексты подчеркнутых и отмеченных Жуковским мест в книгах даются почему-то не в подлинниках (на различных языках), а в русских переводах, что на первый взгляд кажется более удобным, но наносит некоторый ущерб принципу научной точности. При публикации набросков и фрагментов не всегда строго соблюдаются нормы современной текстологии: в угловые скобки заключено зачеркнутое, тогда как в таких случаях обычно используются квадратные скобки (см. с. 45). Приходится пожалеть и о том, что смысл некоторых условных знаков, используемых Жуковским при чтении книг, раскрыт только в конце монографии, в сделанном попутно примечании.

Однако это все частности, неизбежные издержки большой и сложной работы, проделанной коллективом исследователей-энтузиастов. Книга «Библиотека В. А.

²¹ Библиотека В. А. Жуковского в Томске, с. 339.

²² Там же, с. 345.

Жуковского в Томске» принадлежит к числу фундаментальных исследований и по характеру и значению проделанной работы может быть сопоставлена с таким замечательным исследованием, как «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского» В. И. Резанова (ч. I-II, СПб.—Пг, 1906—1916), раскрывающим начальный период деятельности поэта. Книга томских литературоведов показывает поистине титанические масштабы творческой работы зрелого Жуковского, характеризуя его как одну из ведущих фигур русского литературного процесса первой

трети XIX века. Она погружает нас в его творческую лабораторию. Вооружившись пером и карандашом, поэт штудирует десятки, сотни книг, на страницах которых рождаются новые творческие замыслы, сокровенные мысли, полемические высказывания.

Новая монография о Жуковском, вносящая серьезный вклад в решение если не всех, то важнейших проблем современной науки о нем, несомненно, явится толчком к дальнейшему углубленному изучению наследия великого русского поэта.

Р. Ю. Данилевский

«МАТЕРИАЛЫ ПО СЛАВИСТИКЕ» ИЗДАТЕЛЬСТВА О. ЗАГНЕРА (ФРГ)

Мюнхенское издательство Отто Загнера выпускает с 1960 года специальную серию «Материалы по славистике» («Slavistische Beiträge»). Количество томов этого серийного издания превысило уже 130, т. е. ежегодно выходит в свет не менее шести-семи книг. Большое место среди них занимают труды по истории языков и национальных культур славянских народов, по истории славянских литератур. Значительная часть номеров серии отведена русской литературе, от ее истоков до советской эпохи включительно. Как правило, в «Материалах по славистике» публикуются тексты докторских диссертаций, фактически соответствующих нашим диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Это — работы молодых западногерманских славистов, участников славистических семинаров при университетах ФРГ. Поэтому знакомство с серией «Материалов по славистике» может дать представление о младшем поколении западногерманских русистов, об уровне их подготовки, а также о направлениях в изучении русской литературы, существующих ныне в славистике Западной Германии.

Настоящий обзор не является полным библиографическим описанием серии и не предусматривает исчерпывающей характеристики всех публикаций ее «русской» части. Задача автора обзора состояла в том, чтобы показать, какая тематика привлекает внимание западногерманских русистов, и продемонстрировать на ряде примеров методику, применяемую ими при изучении русской литературы.

Первым научным редактором «Материалов по славистике» был исследователь и педагог, профессор Мюнхенского университета А. Шмаус, а после его

смерти редакцию возглавил проф. И. Хольтхузен, работающий совместно с профессорами Г. Кунстманном и Й. Шренком. Многие диссертанты, чьи работы опубликованы в рассматриваемой серии, являются учениками Шмауса и Хольтхузена.

Доклады проф. И. Хольтхузена, прочитанные в разные годы перед участниками руководимого им Семинара по славянской филологии Мюнхенского университета, были собраны в 69-м томе серии, озаглавленном «Россия в стихах и прозе. Доклады по русской литературе XIX и XX веков» (Holthusen J. Rußland in Vers und Prosa. Vorträge zur russischen Literatur des 19. und 20. Jhs, 1973). Общая точка зрения ученого на историю русской литературы в определенной степени характерна для немецких буржуазных славистов старшего поколения. Развитие литературы они пытались и пытаются рассматривать в отрыве от развития общества, а там, где невозможно обойтись без упоминания социальных событий, эти события освещаются с умеренно-либеральных позиций, занесенных на Запад в годы молодости этих людей русской буржуазной эмиграцией. Два доклада проф. Хольтхузена были посвящены, например, роли Петербурга в русской литературе — от Гоголя до А. Белого и А. Ахматовой. Ученому удалось показать ту важную роль, которую играла петербургская тема в поэзии и прозе различных периодов. Но анализировать литературный образ Петербурга, намеренно игнорируя его социальный смысл, значит касаться действительно интересной темы лишь поверхностно. «Имманентное» изучение творчества Гоголя, а тем более — советской литературы, которой докладчик также уделил некоторую вни-